

ИРИНА БОРИСОВА

Одинокое место Америка

РОМАН В НОВЕЛЛАХ

Ирина Борисова

**Одинокое место Америка.
Роман в новеллах**

«Издательские решения»

Борисова И.

Одинокое место Америка. Роман в новеллах / И. Борисова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748597-9

«Одинокое место Америка» — роман в новеллах о том, как в 90-е годы люди в России и на Западе, как жители прежде неведомых друг другу планет, потянулись узнавать друг друга. Это было материально тяжелое время, но это было время романтических надежд, когда по обе стороны железного занавеса людям казалось, что хорошо там, где их нет, когда русские невесты и западные женихи, пытаясь воплотить в жизнь свои иллюзии, иногда умудрялись вытащить счастливый билет, но чаще ошибались и разочаровывались.

ISBN 978-5-44-748597-9

© Борисова И.
© Издательские решения

Содержание

Часть I. Проблемы с электричеством	6
Как это все началось	6
Анна	8
Честный русский милиционер	10
Телефонный звонок из Швеции	12
Дети и родители	14
Мечты	16
Email	18
Фрэнк	20
Ее неудача	22
Старый рыжий кот	24
Романтическое интервью	26
Остров	28
Рассказ о Маше	30
Как Маша нашла себе мужа	32
Проблемы с электричеством	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Одинокое место Америка
Роман в новеллах
Ирина Борисова

Посвящается Курту Лангу

© Ирина Борисова, 2016

© Михаил Борисов, фотографии, 2016

Редактор Наталья Нутрихина

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I. Проблемы с электричеством

Как это все началось

Идея брачного агентства пришла мне в голову после того, как знакомая, Валя, попросила у меня воспользоваться моим абонентским почтовым ящиком.

Валя, разведенная женщина тридцати семи лет, жила вместе с родителями и шестнадцатилетним сыном. Совместное проживание с родителями не угнетало Валу, наоборот, она считала это очень удобным. Валина мать была ее сыну матерью больше, чем она сама, мать занималась уборкой, стирала и готовила. Валя была занята только работой, но вечерами ей было скучно, а она любила посещать театры и другие культурные учреждения, причем ей хотелось бы посещать их не одной.

Поэтому она и поместила в газету объявление о знакомстве. В объявлении было написано, что она хочет найти кого-то «для бескорыстной дружбы и совместного посещения музеев, театров и пригородов Санкт-Петербурга». Это и в самом деле было все, чего она хотела. Валя была неосторожна, указав в своем объявлении номер телефона. Телефон начал звонить дено и ночью. Больше количество звонков приходилось на ночь, и ночные фантазии звонящих мужчин были далеки от посещения театров и музеев.

Галины родители негодовали. Они требовали отключать телефон на ночь. Непрерывный звон продолжался две недели. Однако никто из звонящих мужчин не соответствовал образу любознательного господина, желающего поднять свой культурный уровень посещением достопримечательностей.

Валя была холодна и эгоистична. Она прошла через неудачный первый брак и не хотела повторить эту ошибку, она не желала ни о ком заботиться, жизнь для себя ее вполне устраивала, меньше всего ей нужны были брак и секс.

Она убрала телефонный номер из следующего объявления, указав мой абонентский ящик в качестве адреса. Я вынимала из ящика письма, Валя приходила ко мне и забирала их. В награду мне разрешалось эти письма читать.

Поэтому я могу рассказать об особенностях писем русских мужчин.

Многие из них были, во-первых, очень коротки: иногда лишь телефонный номер, имя и просьба позвонить.

Оформлены они были плохо, часто написаны на случайных клочках бумаги, выдранных непонятно откуда. Письма иногда писались даже на телеграфных бланках, подобранных, я полагаю, на почте, где идея написать, возможно, внезапно пришла человеку в голову и была немедленно осуществлена.

Некоторые письма были длинными и казались попыткой описать характер и жизнь пишущего. Но истинные печаль и одиночество были обычно скрыты за слоем иронии и звучали скорее как попытка посмеяться над жизнью в целом и, особенно, над самим собой.

И снова никто из мужчин, приславших письма, не соответствовал роли джентльмена, сопровождающего Валу в театры. Все, чего хотели мужчины, вращалось вокруг одного и того же, что абсолютно отвергалось Валией.

Один человек даже предложил отремонтировать за это печь на Валиной даче, если бы таковая у нее была. Валя фыркнула, у нее не было печи, печь была у меня и как раз нуждалась в ремонте. Был момент, когда я всерьез подумывала, как бы попытаться бесплатно воспользоваться этим предложением, но, вздохнув, поняла, что бесплатным ремонтом тут не обойтись.

Один корреспондент насмешливо спрашивал Валю, что она подразумевает под «бескорыстной дружбой». Намекая на что-то, он иронически спрашивал, мужчин какого именно типа Валя имела в виду?

Валя поняла и оценила идею. Это было как раз то, что нужно. Ее третье объявление было составлено уже как прямое обращение к мужчинам этого специфического типа.

И круг кандидатов немедленно изменился: все мужчины, кому она теперь звонила, действительно, интересовались лишь театрами и музеями. Валя была счастлива: со всеми ними по очереди она посещала петербургские театры и концертные залы. Ее жизнь стала радостной и исполненной смысла. Наконец, из претендентов остался один, с которым было особенно интересно говорить об искусстве.

Он сопровождал Валю везде, куда бы она только ни пожелала, они стали неразлучными друзьями. Однажды вечером, играя с Галей в шахматы в своей квартире, он рассказал ей свою историю.

Его первая женщина оказалась слишком жестокой к нему: разболтала всем, кого знала, о его первой неудачной попытке, после которой молодой человек не решился предпринять новую – он нервничал всякий раз, опасаясь, что от него ждут того, что он не сможет предложить. Но, рассказывая об этом, Валин друг вдруг почувствовал, что с Валею, которая ничего такого не ожидала, а думала лишь об очередном шахматном ходе, все было совершенно иначе. Он сел к ней поближе, голос его зазвучал страстно, и Валя не успела и двинуть пешкой, как очутилась в его объятиях.

Эта попытка оказалась вполне удачной. Валя была несколько озадачена, она, однако, не забыла, как много театров они посетили вместе. Ее друг был так счастлив, что немедленно сделал ей предложение. Очень скоро они поженились.

Говорили, что после свадьбы Валю видели на кухне, и что она там даже что-то готовила. Через год у них родился замечательный мальчик. В этот раз Валя стала заботливой мамой, может, потому что ее муж стал самым любящим в мире отцом.

Все это произошло из-за опущенного в мой почтовый ящик письма. Поэтому брачное агентство было первым, о чем я подумала, когда пришлось начинать дополнительный бизнес, потому что наш основной переживал не лучшие времена.

Анна

В двадцать лет у Анны был шведский бойфренд, студент, работавший летом на строительстве отеля в Санкт-Петербурге. Молодой человек был влюблен в нее, звал ее выйти за него замуж и уехать в Швецию, Анна же тогда училась в медицинском институте, она обещала приехать к нему через год, когда закончит учебу.

Но ужасное несчастье случилось в то лето с ее семьей: на даче заболел двухмесячный сын сестры, и, оставив ребенка с Анной, родители и сестра поехали на машине в город купить лекарства и продукты и быстро вернуться назад. По дороге произошла авария: их машина столкнулась с грузовиком, и все они погибли на месте. Анна потеряла родителей и сестру, ребенок потерял мать, деверь Анны потерял жену.

Он остался один с ребенком на руках, и Анна не могла оставить отчаявшегося мужчину без помощи.

Они поселились в одной квартире и вместе ухаживали за ребенком. Этот год был трудным для обоих, несчастье сблизило их, и когда Анна закончила учебу, ее родственник сделал ей предложение.

Анна любила шведского жениха, продолжающего писать ей письма, но она также очень привязалась и к маленькому племяннику, ей было тяжело оставлять ребенка. Родственник настаивал, шведский жених торопил, он должен был уезжать на работу в Америку, Анне надо было что-то решать. Но шведский жених не смог приехать за ней и забрать ее, а ребенок, который уже начал называть ее мамой, был рядом, плакал по ночам и улыбался, когда она брала его на руки. Она сдалась и вышла замуж за его отца.

Выйдя замуж, она сразу же поняла, какую ошибку совершила. Она думала, что привычка заменит любовь, но этого не случилось. Ее муж был преуспевающим журналистом коммунистической газеты, он много работал, часто ездил в командировки, редко бывал дома, проводя время в обществе партийных функционеров, часто возвращался домой пьяным. Он был больше занят собственными делами, не обращал внимания на настроение Анны и удивлялся, почему она приходит с работы такой усталой.

Анна была зубным врачом. Ее муж не знал, что пациенты считали ее кресло волшебным, в нем никто не чувствовал страха, потому что Анна была не из тех докторов, которые только просят открыть или закрыть рот, она слушала людей, ободряла их, пыталась взять на себя часть их боли.

Она начала заниматься и научной работой, но два события помешали ей защитить диссертацию: перестройка и рождение собственного сына.

Перестройка также разрушила политическую карьеру ее мужа. Он не мог поверить, что партийные ценности будут развенчаны так быстро, он сделал неверные ставки, а когда попытался сменить политическую ориентацию, было уже поздно. Его привычка к пьянству усугубилась, приняла сильные формы, и вскоре он оказался без работы, без денег, всегда навеселе.

Анна должна была обеспечивать двух мальчиков и неработающего мужа. Ей повезло: имея такую профессию, она могла зарабатывать даже в новые трудные времена, но работать ей приходилось слишком много. Ее старший мальчик был самостоятельным и трудолюбивым, много ей помогал, смотрел за маленьким братом. Он не знал, что Анна – не его настоящая мать, он презирал вечно пьяного отца, и когда Анна развелась с мужем, он остался с нею.

Анне было уже тридцать пять, когда она пришла в мое брачное агентство. Она устала от своего двенадцатичасового рабочего дня, от совместного житья с бывшим мужем: все они по-прежнему жили в той же квартире – она и дети в одной комнате, бывший муж – в другой. Ей надоело его пьянство, ужасные скандалы с битьем оконных стекол и визитами участкового.

Заполняя анкету, она указала в ней только младшего сына, шутя, что за пять-десять лет, через которые я, может быть, и выдам ее замуж, ее старший сын станет уже взрослым.

– И потом, у меня и на самом деле, только один сын! — улыбнулась она уходя.

Но ей повезло очень скоро. Респектабельный финский джентльмен проявил к ней большой интерес, приехал в Санкт-Петербург, чтобы встретиться, и, в свою очередь, пригласил ее в Финляндию.

Анна могла оставить работу лишь на короткое время, но и этого времени джентльмену хватило, чтобы понять, что Анна — его избранница.

Анна с радостью приняла его предложение, существовала лишь одна проблема – надо было объяснить жениху, что по легкомыслию она указала в анкете только одного мальчика, и что хотя, на самом деле, второй мальчик ей не сын, а племянник, она все же не может уехать из России без него.

Джентльмен очень расстроился. Он сказал Анне, что в его доме недостаточно спален и ванных комнат, и разместить там двоих мальчиков не представляется возможным, если учесть, что у второго мальчика есть родной отец в России. Джентльмен упрекал Анну за то, что она поступила так легкомысленно: если бы она указала в анкете двоих детей, это сразу бы его оттолкнуло и не причинило бы им обоим столько страданий.

Анна сказала, что подумает, но она уже знала свое решение. Она возвратилась в Санкт-Петербург, и когда улыбающийся старший сын спросил ее на вокзале: «Ну, мы едем в Финляндию?», она ответила: «Нет».

И она осталась в России. Жизнь ее сделалась легче, потому что бывший муж вскоре умер от водки, и ей теперь не надо звонить каждый день участковому. Она все также много работает, а ее анкета, как прежде, хранится в моем брачном агентстве. Но в анкете теперь указан не только старший сын, но также их собака и две кошки, без которых, как заявила Анна, она никуда не поедет.

– Пусть берут меня со всеми моими детьми и животными! — говорит Анна, смеясь. – Мне плевать, если они не хотят, я и без них проживу! – и, улыбаясь, она склоняется над мной, сидящей в ее «волшебном» зубо-врачебном кресле, где пациенты не чувствуют ни боли, ни страха.

Честный русский милиционер

Эй, честный русский милиционер, где ты, что ты сейчас делаешь? Входишь ли ты в зловещую квартиру, где уже неделю лежат четыре трупа? Или крадешься по грязному подвалу, выясняя причину недавнего взрыва? Или прячешься от пуль безжалостного убийцы, державшего весь город в страхе? Или ты просто расслабился за крепчайшим кофе в редкую минуту отдыха, потому что не спал уже... сам-то ты помнишь, сколько?

А знаешь, где твоя бывшая жена? Она сидит рядом со мной на диване в офисе моего брачного агентства и показывает свою фотографию. На фотографии она стоит в спальне на ковре на коленях в ярко-красном нижнем белье и красных кружевных чулках в нарочитой позе и с натянутой улыбкой на лице, видимо, стараясь изобразить, какая у нее замечательная фигура, и как она привлекательна!

– Мой бывший муж был очень хорошим человеком, – говорит она, глядя сначала на меня, потом куда-то за окно на темную улицу, где в этот вечер не горят фонари. – Мы десять лет прожили вместе, он милиционер, профессионал высокого уровня. До 1991 года он зарабатывал сравнительно неплохие деньги, но сейчас на его зарплату можно купить разве хлеба да картошки, ну, и может быть, еще тетрадки для нашего сына.

Да, честный русский милиционер, все знают, что в стране нет денег для милиции и для всех тех, кто получает зарплату из бюджета. Бандиты ездят на мерседесах, милиция преследует преступников на смешных старых джипах и умудряется их иногда и ловить. Так бывает, ведь в России случаются и многие другие невероятные вещи!

– Когда его зарплата стала слишком мала для нормальной жизни, я попросила его бросить эту работу, где он проводил по двадцать восемь часов из двадцати четырех, – продолжает свой рассказ бывшая жена милиционера. – Так и было, я не шучу, особенно когда чеченские террористы появились в городе, когда начались все эти взрывы в метро. Он приходил с работы (если не оставался на ночь) поздно вечером, ел, сколько мог, потому что днем у него не было возможности перекусить. Он не мог со мной даже разговаривать, я не говорю уже о сексе, он валялся как мертвый спать до шести утра, и опять все сначала. Ни выходных, ни отпуска. Такая была наша жизнь. Можно ли было это продолжать?

Нет, честный русский милиционер, конечно, нельзя. Ты должен знать, что твоя жена любит «хороший секс», как записано в ее брачной анкете. Ты не мог предложить ей ничего подобного после своей ужасной работы, и это было еще одной причиной, почему ваша семейная жизнь не могла продолжаться.

– А когда вы просили его уйти с этой работы, что он ответил? – спрашиваю я.

– Он ответил, что не умеет делать ничего другого так же хорошо, как ловить преступников. Он ответил, что он всего лишь детектив высокого уровня, где еще он может найти для себя работу – разве лишь у бандитов? Да, они бы с радостью его взяли, им бы очень пригодился такой профессионал, но он сказал, что дорожит своей милицейской честью.

– Вы бы и в самом деле предпочли, чтобы он работал на бандитов? – спрашиваю я.

– Я не знаю! – восклицает она. – Я бы предпочла жить нормальной семейной жизнью! Я бы предпочла иметь возможность купить своему ребенку все, что он попросит на улице! Я бы предпочла иметь достаточно разной еды в холодильнике, а не только картошку! Я могла смириться с нищетой, когда все были нищие, но когда некоторые дети не смотрят на заморские фрукты, а я не могу купить своему сыну даже яблоко. Когда другие люди путешествуют и видят мир, а я не могу выйти на улицу в дождь, потому что мои единственные ботинки текут! Тогда я понимаю, что есть и другие мужчины кроме моего мужа, и пусть он ценит свою милицейскую честь, а я сама позабочусь о своей судьбе!

– Но он, наверное, на что-то надеялся?

– Он надеялся, – кивает она. – Он просил меня подождать еще немного, он надеялся, что этот абсурд не может продолжаться вечно, что когда-нибудь все образуется, и его работа снова станет почетной и хорошо оплачиваемой.

– А я отвечала, – вздыхает она, – что за двадцать лет или более, когда это, может быть, и случится, я стану старухой, если вообще буду жива, и тогда мне уже ничего не понадобится...

И она дает мне свою фотографию в красном нижнем белье и красных чулках, и я осторожно спрашиваю, действительно ли она думает, что эта фотография подходит.

– Почему нет? – удивляется она. – Я посылала такую же в Германию и получила несколько предложений. Я не стала спешить, потому что должна быть уверена, что выхожу замуж за хорошего человека.

«За такого же хорошего человека, как ты, честный русский милиционер, – думаю я. – Хороший человек плюс спокойная комфортная жизнь и достаточно денег. Кто бросит в нее камень? Я – нет, ты, кажется, тоже, потому что, я знаю, ты согласен подписать нужные бумаги на отъезд из страны твоего сына».

– Я не хотела бы ехать в Финляндию, потому что климат там тоже сырой и гнилой. Я бы хотела уехать в Германию или в Америку, где климат сухой и хороший, – говорит она, и глаза ее, сверкая, смотрят куда-то сквозь меня, как будто стараясь увидеть неизвестное, но, конечно же, счастливое будущее.

И она уходит, а ее фотография в блестящих красных чулках остается лежать на моем диване.

Ах, честный русский милиционер... Делает ли ты по-прежнему свою трудную работу за гроши, чтобы сохранить милицейскую честь? Что еще ты можешь надеяться сохранить в этой жизни? Ты, действительно, думаешь, что кто-нибудь когда-нибудь тебя здесь оценит? Может, и правда, надо было плюнуть на все и пойти в охрану или в бандиты, или уехать из этой несчастной страны в любое другое место в мире...

Извини, храбрый русский милиционер. Хорошо, что ты не слышал эти мои слова.

Телефонный звонок из Швеции

Некоторые клиенты моего брачного агентства заказывают провести для них персональный поиск. Я часто делаю это через газету, которая печатает их брачные объявления, я получаю в ответ письма от девушек и пересылаю их потом по назначению. Я прошу девушек прислать фотографии, но некоторые девушки присылают только письма. Я обычно складываю такие письма в коробку и храню их там на всякий случай.

Однажды я получила еще одно письмо без фотографии.

«Если вы, действительно, тот человек, за которого себя выдаете, вы, наверное, ждете письмо от петербургской девушки, но вы держите в руках письмо от девушки из Азии. Меня зовут Айнура, мне 25 лет, я приехала в Санкт-Петербург из Казахстана в надежде устроить свою жизнь в России. Но по многим-многим причинам я испытываю трудности, живя в этой непредсказуемой стране. Вы глубоко ошибаетесь, если думаете, что я предлагаю интимную связь в обмен на ваше щедрое спонсорство. Нет, мое христианское вероисповедание запрещает мне такого рода отношения. Но я так устала от этой серой скучной жизни, я так хочу чего-то большего: домашнего очага, уюта, тепла, любви и семьи. И я хочу навсегда покинуть эту страну.

Вернемся ко мне. Я некрасива, увы, мои фотографии часто лучше, чем я на самом деле, поэтому я не посылаю их, не желая приукрашивать себя и обманывать вас с самого начала. Я окончила строительный техникум, но не нашла работы по специальности, да и, честно говоря, я не люблю свою специальность. Я люблю кино, театр, люблю изучать языки, но не знаю никакого другого языка, кроме русского. Я люблю спорт, путешествия. Я непоседа, не люблю долго сидеть на одном месте. Образ жизни, который я могу себе позволить, одежда, которую я ношу, скромны. Иногда я выгляжу неплохо, но чаще моя внешность очень меня огорчает. Я думаю, если мы встретимся, может, вы увидите во мне то, что могло бы сделать меня настоящей красавицей, если бы хоть один человек в мире увидел это во мне хоть однажды.

Еще одно маленькое предложение, если вы еще не выбросили это письмо. Я знаю, маловероятно, что я стану вашей супругой, тогда я могла бы быть хотя бы домашней работницей у вас в доме, в вашей стране, только бы вырваться отсюда...

Айнура»

Такое письмо. Увы, мужчины любят знакомиться только с красивыми девушками, поэтому я не послала его, а положила в свою коробку.

А несколько дней спустя ко мне в офис позвонили из Швеции.

– Ирина? – спросил по-русски уверенный женский голос. – Я нашла ваш телефон в Интернете. Я замужем, живу в Швеции, мне нужна няня на весну и лето. Может быть, среди ваших знакомых есть кто-то, кого бы заинтересовало такое предложение?

– Извините, – ответила я. – Среди моих знакомых, кажется, таких нет.

– Может, среди ваших клиенток? – переспросила она. – Я могу сказать вам об условиях...

– Я не уверена, что смогу вам помочь, – прервала ее я. – Мои клиентки ищут мужей, а не такого рода работу.

– Мужей? – спросила русская дама из Швеции. – Вы находите им мужей?

– Иногда, – отвечала я.

– Значит, вы думаете, никто не захочет? – спросила напоследок женщина.

И тут я вспомнила. Я попросила немного подождать, нашла письмо Айнуры в своей коробке, нашла номер телефона, дала его даме и предложила попытаться позвонить.

После этого я позвонила Айнуре сама. Ее голос был застенчивый и тихий, как раз такой, как я ожидала услышать. Я объяснила, что человек, которому она писала, уже нашел себе

подругу, но я подумала, а вдруг ее заинтересует другое предложение, поэтому я дала ее телефон русской даме из Швеции.

Айнура благодарил меня, может быть, больше, чем мое предложение заслуживало.

Когда через некоторое время я позвонила ей, чтобы узнать, как дела, какой-то мужской голос сказал мне, что Айнура здесь больше не живет, и он не имеет о ней никакой другой информации.

Дети и родители

Родственники принимают самое активное участие в устройстве счастливого будущего своих близких. Они часто приходят в мое брачное агентство или присылают письма.

Однажды я получила письмо от матери семнадцатилетней дочери. «Уважаемая Ирина, – было написано в письме. – Моя дочь оканчивает школу в этом году. Она очень хорошая девочка, и у нее отличные отметки за все десять лет учебы. Я старалась, как могла, воспитывая ее, я много вложила в ее образование, а теперь, я думаю, пришло время подыскать ей мужа за границей. У меня к вам большая просьба: я бы хотела сначала рассмотреть все кандидатуры сама и решить, в какой степени тот или другой кандидат подходит моей дочери». Фотография ее дочери была вложена в письмо, в котором имелось разъяснение, что мужчинам предлагается присылать письма сначала матери для предварительного ознакомления. Никто не рискнул воспользоваться таким способом знакомства, девушка не получила никаких писем, и ее мама звонила мне потом, обвиняя в халатном отношении к делу.

Другая мама влетела в мой офис, глядя на часы, протараторив, что ей надо поспеть еще в два агентства. Она добавила, что ее дочь в Италии, но мужчина, который ее туда пригласил, скучный и жадный, он много работает, не развлекает девушку и не покупает ей подарков, поэтому девушка не спешит принимать его предложение. «Зачем? – соглашалась мать. – У нас у самих здесь серая жизнь, зачем менять ее на то же самое?» На мой вопрос, действительно ли она думает, что западным мужчинам всего и забот, что о развлечениях да подарках, мама ответила, что тогда нет никакого резона уезжать: жить там слишком скучно, если еще и не получать подарков в виде компенсации.

Третья мама пришла ко мне и рассказала грустную историю своей очень застенчивой и одинокой тридцатилетней дочери, которой она не решается намекнуть на такое место, как брачное агентство. Девушка была бы шокирована и наверняка бы отказалась, поэтому мама пришла тайно, обещая все как-нибудь устроить, если дочкой кто-нибудь заинтересуется. Она принесла фотографию дочери в кавказкой бурке и папахе, сделанную лет десять назад на какой-то турбазе в горах, из-под папахи была видна только треть лица девушки. Когда я попросила принести фотографию покрупнее, мама обещала сфотографировать дочь опять же как-нибудь тайком, будто бы для другой цели. Она поблагодарила меня, пожелала моему агентству удачи, ушла и больше не вернулась.

Однажды за моей дверью появилась маленькая девочка со школьным рюкзачком. Я спросила ее, не перепутала ли она мой офис с каким-нибудь другим, но девочка покачала головой и сказала, что знает, куда пришла. Она села на кушетку, как взрослая, и сказала, что ее мама хотела бы познакомиться с кем-нибудь, но стесняется, она у них такая, и я должна это знать. Девочка вытащила из рюкзачка фотографию и протянула ее мне со словами: «Это вся наша семья». На групповом снимке было изображено много людей: три очень похожие друг на друга женщины, как объяснила девочка – мама, бабушка и прабабушка, сама девочка и два великолепных младенца-близнеца, которых гордо держали на руках бабушка и прабабушка. Мама девочки сидела в центре, глядя в камеру, как лидер группы. «Наша семья очень дружная, – похвасталась девочка. – Нам не хватает только папы. И, пожалуйста, напишите там, что мы согласны уезжать за границу только все вместе». Я кивнула, написала, как она хотела, и девочка ушла вполне удовлетворенная, напоследок попросив меня немного подождать с размещением фотографии на сайте, потому что ей хотелось бы перед отъездом успеть закончить четверть.

Я помню двух дам в шубах, яростно обвиняющих бывшего мужа дочери и племянницы в каких-то грехах, перечисляя все его преступления, из которых самым страшным была неудачная продажа хорошей квартиры где-то на Севере. И старика, ищущего готового мужа для беременной правнучки как раз к ее родам, и...

Они все были очень разными, но одинаковыми в искреннем желании устроить счастье своих близких. И заполнив анкеты и отдав мне фотографии, они уходили с убеждением, что лишь несколько шагов отделяет теперь их родственниц от счастливого будущего.

Мечты

Она была нежной застенчивой русской девушкой, она мечтала о спокойной семейной жизни в уютном доме, о хороших и милых детях, о сильном уверенном муже, который бы заботился о семье. Она не надеялась найти все это в своем большом городе, где темные ветреные улицы полны грустных несчастных людей, где можно загадывать не дальше чем на завтра, где жизнь полна неопределенности и страха, где молодые люди часто не помышляют о семье, потому что не знают, как ее обеспечить.

Он был способным программистом, молодым русским иммигрантом, живущим в Калифорнии. В Штатах у него была хорошая работа, уровень его жизни был не сравним с тем, на который он мог рассчитывать в России, но это была не единственная причина, по которой он любил Америку. Он любил Америку за ее энергию, за ее уважение к бизнесу и порядку, он любил ее за ее гостеприимство, на глаза его набегали слезы, когда он видел американский флаг и слышал американский национальный гимн, он был так благодарен этой щедрой стране, помогающей осуществляться помыслам столь многих людей. Больше всего он хотел, чтобы если и не он сам, то его будущие дети стали бы настоящими американцами, и, не надеясь жениться на американской девушке, он решил, что русская девушка, на которой он женится, будет любить Америку, как и он, и постарается приблизиться к истинно американскому стилю.

Они встретились через брачное агентство, Он оформил ей бизнес-визу и пригласил приехать к нему в Калифорнию. Он нашел ее милой, но чересчур застенчивой, слишком закрытой и «русской», он бы предпочел, чтобы она была более активной. Он купил ей несколько обучающих американских книжек из серии «How to...», объясняя, что, живя в новой стране, она должна перенять и ее ценности.

Девушка была умная, она поняла, чего он хочет. Он ей нравился, ей нравились также его уютный дом и солнечная Калифорния с улыбающимися счастливыми людьми. Она проштудировала книжки и попыталась сделать то, что в этих книжках советовали. Она пыталась постоянно улыбаться и энергично пожимать руки его знакомым, чтобы выглядеть всегда довольной и счастливой, но внутри она оставалась по-прежнему неуверенной и застенчивой, и это выглядело неестественно. Она училась водить машину, но трусила и однажды стукнула его автомобиль о поребрик тротуара. Она искала работу, чтобы начать делать собственную карьеру, но ее английский оставлял желать лучшего, и никто не хотел ее нанимать.

Неудачи ее деморализовали, ее друг разочаровывался все больше и больше, и однажды они поговорили и решили, что лучше она вернется домой в Россию.

Но она уже не могла забыть удивительную страну, в которой побывала. Это было мечтой, которая не сбылась, но которую она еще надеялась претворить в жизнь. Она думала, что все же сумеет соответствовать подлинному американскому имиджу. Она подала заявки в другие агентства и стала проводить вечера за написанием писем.

А в большом шумном городе жил американский бизнесмен. Ему надоела гонка за деньгами и успехом, надоели дружеские рукопожатия и победительные улыбки независимых американских леди, слишком сильных, чтобы в ком-то нуждаться. Сидя в свободные минуты перед экраном компьютера, он смотрел каталоги с множеством женских лиц и дивился, в своем ли уме все эти женщины и мужчины. Но однажды он увидел робкое лицо несмелой девушки на одной из страниц и подумал, что, может быть, в России действительно есть кто-то, кому нужны будут его забота и помощь, кто будет сочувствовать, когда однажды ему изменит удача, с кем он сможет не стараться выглядеть всегда преуспевающим и счастливым, не бояться казаться слабым, когда нет больше сил.

И он приехал в Россию встретиться с девушкой. Но она слишком хорошо помнила свой печальный опыт, перед свиданием с ним она освежила в памяти обучающие американские

книжки, она постаралась спрятать свою истинную суть так глубоко, как будто ее не бывало, она сделала все, чтобы быть похожей на американку. Когда они встретились, ее улыбка была так победительна, а рукопожатие так крепко, что американцу показалось, что он и не покидал Америку.

И все трое по-прежнему одиноки и по-прежнему мечтают. Русский программист, любящий Америку больше всего на свете, мечтает стать ее частью вместе с энергичной и независимой женщиной, которую еще надеется повстречать. Американский бизнесмен мечтает о робкой девушке, о которой можно будет заботиться. Робкая русская девушка, пишущая письма, мечтает о солнечной Калифорнии, пытается казаться в своих письмах совсем иной, чем на самом деле, часто путаясь и сбиваясь со стиля, противореча тому, что писала прежде.

Email

Они встретились в Интернете случайно, она рекламировала продукцию своей фирмы, он заинтересовался, она ответила. Ему было очень любопытно все, что касалось России и русских, он задал пару вопросов, потом задал еще. Понемногу их еженедельный обмен электронными письмами стал регулярным, она полюбила привычку рассказывать ему о вещах, так хорошо известных в России и совершенно неизвестных в Америке, его изумление было забавным. Он также рассказывал ей о том, чего она не знала, ей было интересно общаться с человеком из другого мира, с другого конца Земли.

Сначала она была изумлена его открытостью и способностью делиться личным. Очень скоро она узнала и романтическую историю его знакомства с женою, и грустную историю их расставания. Люди в России обычно не делятся сокровенным с такой легкостью, а если делятся, то считают человека своим ближайшим другом. Он также много говорил о своих религиозных устремлениях, он был очень религиозен, она – совершенно нет.

Потом она начала привыкать. Она начинала свой день с выхода в сеть, она стремилась поскорее проверить, пришло ли ей письмо по E-mail. Чаше письма приходили, и ей так нравилось читать эти маленькие буквы на белом экране: читая их, она чувствовала тень далекой жизни прямо здесь, рядом. Это была совсем неизвестная жизнь с неизвестными удовольствиями – вечеринками и обедами в черных галстуках, с преимуществами, которых не было у них в России – безопасностью и комфортом.

Ее русская реальность была суматошной, неопределенной, нестабильной. Каждый день она должна была принимать неожиданные решения, чтобы ее фирма выжила. Она боялась, что ее бизнес завтра рухнет и она останется ни с чем, не представляя, что делать дальше. У нее была насыщенная личная жизнь— сложные отношения со старым другом, который хотел, чтобы она бросила бизнес и связала жизнь с ним. Он не принимал ее бизнес всерьез, беспокоился, что она устает, требовал, чтобы она все это прекратила и целиком и полностью положила на него. Но она однажды уже пыталась понадеяться на мужчину, теперь она предпочитала быть независимой и рассчитывающей только на себя.

У нее была дочь, для которой у нее всегда не хватало времени. Пожилые родители также упрекали ее, что она слишком много работает, они старались быть самостоятельными и не обременять ее просьбами. Она помогала им материально, но чувствовала, что не уделяет им достаточно времени и внимания, в то время как им, в первую очередь, нужно именно это.

Ее друзья также пеняли ей, что она стала их забывать. Но уделять больше времени близким значило отнимать его от своего бизнеса, а она считала это недопустимым.

Однако переписка по email с неизвестным американцем как-то вошла в ее насыщенную жизнь и заняла в ней значительное место.

Поздно вечером, когда ее дочка спала, и никакие телефонные звонки не могли уже помешать, она сидела перед компьютером, отнимая время от короткого сна, и сочиняла электронные письма. Она писала о событиях дня, обо всех своих страхах, обо всем, что приходило в голову. С одной стороны, она писала дневник, с другой стороны, сознавая, что совсем незнакомый человек из стабильного и защищенного мира прочтет все это, она ощущала, что тонкая нить соединяет и ее с тем миром, и что и она тоже получает оттуда свою собственную маленькую долю защиты.

Она понимала, что это чистая иллюзия, но очень скоро она, действительно, начала чувствовать эту воображаемую защиту. Когда после странного телефонного звонка она задумывалась, а не рэкет ли это прощупывает финансовое состояние ее фирмы, или когда банк неожиданно прекращал платежи, она уже не чувствовала того отчаяния, какое ощутила бы в прежние времена. Вспоминая, что она сможет написать об этом в вечерней почте, она чувствовала, что

настоящая опасность как будто отступала. Она будто строила другую параллельную жизнь, в которой существовало только то, что она описывала в своих посланиях, но все описанное казалось уже не таким ужасным, как театральные декорации, которые не могут никого напугать. Очень часто, когда ей надо было решать реальные проблемы, она сидела и думала, как лучше эти проблемы описать, и мысли ее были далеко. Она предпочитала перемещаться в выдуманную виртуальную реальность и сопротивлялась всякий раз, когда ей надо было возвращаться в свою трудную реальную жизнь.

Иногда она удивлялась, как это все могло с нею случиться, гадая, было ли это подсознательным желанием самозащиты, потому что напряжение, вызванное всеми этими действительными и мнимыми страхами, становилось иногда так велико, что требовался хоть какой-то отдых. Очень скоро, однако, она начала беспокоиться и думать, что раз привычка писать по email стала такой серьезной и сильной, требовалось уже что-то предпринимать, чтобы от нее избавиться.

Что до человека, с которым она переписывалась, то после нескольких месяцев переписки он не стал для нее ближе, чем в первый день электронного знакомства. Очень скоро она поняла, что его открытость и простота вовсе не значили того, что они значили бы в России, что теплые искренние слова настоящей симпатии, которых она, может быть, ждала, не будут сказаны, и не потому что он глуп или черств, а потому, что он не способен понять того ощущения привычной неопределенности, жизни на вокзале перед отправлением поезда, которое они все испытывают в России. Он был преуспевающим бизнесменом, ценил роскошь, хорошие рестораны и отели, знакомства с известными людьми, путешествия – он с воодушевлением рассказывал об их с женой путешествии в Россию на Восточном экспрессе в костюмах 20-х годов. Она не знала, понравилось ли бы ей все это или нет, она никогда не испытывала ничего подобного, но ей казалось, что, и испытав, она не приняла бы это слишком всерьез. Каждый раз, получая его послания, она чувствовала легкий укол неудовлетворения, потому что все написанное ею было понято не так, как она хотела. Она все более убеждалась, что пишет скорее для себя, она думала, что просто по-дурацки втянулась, и что с этим пора кончать.

Однако она ощущала, что ее день был пуст (хотя на самом деле он был полон событий), когда она не получала письма по email и не имела возможности отвечать. Она думала, как же избавиться от этого наваждения, когда ее американец неожиданно сообщил ей, что он должен будет по делам приехать в Россию и что они встретятся.

Он оказался человеком с дружелюбной улыбкой, с любопытством смотрел по сторонам, их встреча прошла в суете, но когда они, наконец, сели друг против друга и начали разговор, то делали паузы, вспоминая, не писали ли они уже об этом по email. Потом они привыкли друг к другу, и, казалось, их личное знакомство не имело ничего общего с их перепиской. Она водила его по театрам и ресторанам, они говорили, и опять он внимательно слушал, когда она описывала свою реальность, но гораздо более он воодушевлялся, делясь своими сокровенными мыслями о самоусовершенствовании перед лицом Бога, заботой о перенаселенности мира, планами и перспективами бизнеса. И она тоже слушала все это, думая, что отнимает время от собственных неотложных дел, раздражалась, считала дни до его отъезда, понимала, что ей не хватает чего-то необходимого, но никак не могла понять чего именно.

Но, проводив его в аэропорт, она поняла, чего ей не хватало. Это была невозможность переписываться с ним по email во время его визита. Проводив его, она была рада, что он скоро вернется домой, займет соответствующее место у компьютера, и что можно будет, наконец, снова писать ему письма.

И поняв это, она знала, что ей дальше делать. Дома она решительно выключила модем, вышла на улицу, села в машину, поехала к своему другу и, войдя в его квартиру, немедленно протянула ему модем, попросила спрятать его на несколько дней и подольше ей не возвращать, что бы она в эти дни ни говорила, и как бы его ни упрашивала.

Фрэнк

Его звали Фрэнк, я переводила его письма. Он писал их маленькой девушке с низким голосом, хотя он и не мог знать, каков ее голос, потому что она не говорила по-английски, а он не хотел звонить с переводчиком, считая, что разговаривать по телефону втроем будет неловко.

Его письма были искренними и милыми. Они соответствовали его имени. Он тщательнейшим образом выбирал девушку, которой станет писать, но, выбрав, безоговорочно решил, что отныне она будет единственным человеком, которому он все про себя расскажет. Но был еще один человек: я переводила его письма и тоже все о нем знала.

Меня тронули его письма. Я переводила, что работая в одиночестве в саду по выходным, он ощущал собственную неприкаянность. Я знала, что его единственный друг был далеко. Я знала и историю его неудачного брака, знала про его бывшую жену, которая не хотела в молодости иметь детей, потому что у нее у самой была злая мачеха, а потом, поняв свою ошибку, подарила всю не востребовавшую нежность племянникам. Он писал, что сам не возражал бы против детей в новом браке, но мог бы обойтись и без них, он предоставлял решать этот вопрос человеку, который должен был стать для него важнее всех, – девушке, которой писал.

Письма его девушки были довольно бесцветны. Они были описательны и безэмоциональны. Много места в письмах отводилось красотам Санкт-Петербурга. Некоторые письма были написаны возвышенным слогом, я заподозрила, что девушка посещает литературную студию и вырабатывает стиль, переписываясь с Фрэнком. По ее письмам было трудно понять, что она за человек.

Фрэнк, однако, был рад вверить свою судьбу хотя бы кому-то. Он писал о проблемах с работой, ему хотелось поменять работу, он писал, почему бывшая работа его не устраивала. Мне было очень интересно читать о работе в Америке. Переводя его письма, я рассказывала об этом своим домашним за ужином. Я также рассказывала о ситуации с работой в Америке друзьям, и мы все изумлялись, как похожа она на ту, что была у нас при социализме. И, конечно, родственники, и друзья знали, что все это происходит с человеком по имени Фрэнк.

Фрэнк все же ушел со старой работы, но вскоре он понял, что и новая работа ему не подходит. В конце концов, он остался вообще без работы.

В письмах его девушки и в это время не было особенных переживаний за Фрэнка. Как и раньше, она мало писала и о себе, хотя уже успела поделиться таким важным моментом, что ее любимое блюдо – птица. Ей будто не хватало воображения, чтобы понять, что на самом деле происходит в жизни Фрэнка. Она неторопливо начинала каждое письмо неизменным «Дорогой Фрэнк», и заканчивала его красивым описанием загородного или городского пейзажа. Там временем, Фрэнку приходилось трудно. Понемногу он начал делиться со мной, рассказывая о неудачных интервью и о временах полного затишья, полного отсутствия каких-либо предложений. Я ободряла его, как могла. Мои семья и друзья тоже знали, что Фрэнк сидит без работы.

Однажды, когда я ночевала у мамы, сын позвонил мне из дома, чтобы сказать, что в компьютере отчаянное письмо от Фрэнка, на которое тот просит ответить как можно скорее. Сын сказал, что Фрэнк готовится к очень важному интервью и, будучи суеверным, хочет услышать перед ним несколько ободряющих слов.

Ночуя у мамы, я не могла сразу же послать ему email. Но, придя домой на следующее утро, я бросила неразгруженную еще сумку с едой в коридоре и первым делом написала Фрэнку, что желаю ему удачи. Первое, о чем спросил меня сын, придя домой из школы, было, как прошло интервью у Фрэнка. Вечером позвонила подруга и в конце разговора спросила: «Кстати, а нашел уже работу этот твой американец, Фрэнк?» Муж, вернувшись из командировки, тоже спросил: «Ну, как Фрэнк? Будь я на его месте, я бы организовал собственный бизнес».

Интервью у Фрэнка прошло неудачно, но очень скоро он нашел другую работу. Его девушка, кажется, вообще не заметила, что с ним произошло, она прислала ему длинное письмо с описанием петербургских мостов, взятым, кажется из городского путеводителя. В следующем письме она пообещала описать монументальную скульптуру Санкт-Петербурга.

В Петербурге много великолепных памятников, которые еще можно описывать, а в библиотеках много книг, откуда можно заимствовать эти описания, так что у девушки Фрэнка еще многое впереди. Фрэнк продолжает писать ей о своей одинокой жизни, я продолжаю переводить. Мы с Фрэнком, кажется, подружились. Моя семья и друзья тоже знают о его существовании и часто спрашивают о нем. И хотя его девушка в последнее время и перешла к описанию научных открытий, сделанных в Санкт-Петербурге, Фрэнк, кажется, уже не так одинок в этом мире.

Ее неудача

Надя приходит ко мне в офис в своем лучшем вишневом костюме. Она приходит прямо от фотографа и показывает мне только что отснятые фотографии. Одна фотография предназначена для резюме, которое она просит меня перевести. Другая, на всякий случай, для брачного агентства, но на это Надя всерьез не рассчитывает. В первую очередь, она хочет послать резюме в какие-нибудь иностранные фирмы, хотя вряд ли в иностранных фирмах возьмут бухгалтера с улицы. Если даже и возьмут, то кого-то помоложе и со знанием английского. И все же, когда ищешь работу, надо пробовать все.

Она потеряла работу три месяца назад. До этого ей везло, она работала заместителем главного бухгалтера на большом заводе. Редкая возможность для немолодой женщины-инженера без специального образования, с трехнедельными бухгалтерскими курсами. Узнав, что ей удалось устроиться на такую работу, я с гордостью всем говорила, что в то время как многие инженеры безнадежно сидят и чего-то ждут на своих умирающих предприятиях, женщина, с которой я сидела за одной партой на бухгалтерских курсах, не сдалась, поменяла профессию и сумела найти место с очень хорошей зарплатой. И вот она это место потеряла.

Прежде Надя верила, что основной фактор успеха – усердие. Надя очень старательно училась на курсах. Она даже не выходила в перерывах перекусить, а жевала свой бутерброд за партой, перелистывая страницы лекций. Она никогда не болтала, не хихикала во время занятий, она лишь укоризненно смотрела на меня и другую болтливую женщину за столом впереди. Сама же она старалась не пропустить ни одного слова преподавателя.

На работе она вела себя точно также. Бухгалтерия у нее была в идеальном порядке. Она отслеживала все изменения в законах и налогах. Она старалась изо всех сил и требовала того же от других. Когда ей однажды показалось, что ее начальник не проявил должной ответственности, Надя честно ему об этом сказала, свято веря в преобладание чувства долга над всем остальным. Ее немедленно последовавшее увольнение разрушило эту веру. Но она все же продолжала вести себя, как раньше.

Каждое утро, не пропуская ни дня, она ходила в бюро трудоустройства, чтобы посмотреть, какие есть вакансии. Потом она возвращалась домой и принималась звонить. Иногда надевала свой лучший темно-вишневый костюм и ходила на интервью. Она возвращалась, и сын встречал ее в дверях, вопросительно на нее глядя.

– Сразу никогда не отказывают, – говорит мне Надя. – Обычно обещают позвонить. Говорят: мы вам позвоним на той неделе. Или: мы обязательно вам позвоним. Но когда я, наконец, звоню сама, извиняются, что место уже занято.

Однажды ей показалось, что ее усердие все же снова будет вознаграждено: Надя пришла в фирму и разговорилась там с женщиной в ожидании начальника. Женщина была бухгалтером, и Наде показалось, что ее профессионализм произвел на коллегу впечатление. Женщина ободрила Надю и пообещала за нее похлопотать. Начальник был тоже очень приветлив, обещал позвонить, но так и не позвонил. Когда Надя решила еще раз сходить в эту фирму, та же женщина ее даже не узнала.

Надя не может понять, почему все так получается. Она пытается сформулировать закон, в соответствии с которым человеку не везет. Ей кажется, если она это поймет, то все изменится.

– В самом начале поиска я пришла на интервью вместе с другими кандидатами, – говорит Надя. – Место было хорошее, на него претендовало много молодых людей с дипломами. Пожилая женщина в старомодном платье, тоже претендентка, подошла ко мне и сказала: «Бесполезно. Представляете, я уже целый год вот так хожу».

– Эта женщина выглядела типичной неудачницей! – восклицает Надя. – Не надо было мне с ней разговаривать. Я теперь думаю, это она передала мне свою неудачу.

И Надя отчаянно смотрит на меня, будто надеется, что я скажу, что этого не может быть.

Я говорю, что этого не может быть, что нет никакой удачи или неудачи, что могут быть только неудачные обстоятельства. Я говорю, что сейчас просто больше бухгалтеров и меньше вакансий, чем было тогда, когда мы учились на курсах, это и есть простая материальная причина, по которой она не может найти работу, но со временем она ее найдет. Нужны лишь терпение и время. Я убеждаю ее, пытаюсь честно смотреть ей в глаза. Пытливо на меня глядя, она спрашивает, на самом ли деле я так думаю. Я выдерживаю ее взгляд и киваю, уверенно улыбаясь.

Я перевожу ее резюме, заполняю анкету агентства и, отвечая на вопросы анкеты, Надя немного оживает, заполняя графу о будущем спутнике жизни, она улыбается, кокетливо поправляет прическу, и в свете солнечных лучей я замечаю седые волосы в ее укладке и то, как изношен ее лучший темно-вишневый костюм.

Я провожаю ее до двери, она, кажется, успокаивается и уходит от меня с надеждой и намерением не сдаваться. Я закрываю за ней дверь, возвращаюсь к столу и собираюсь продолжить работу. Но я ничего не могу делать, как будто что-то плохое поселилось в моем офисе после ее ухода.

Старый рыжий кот

Этот финн увидел ее фото в нашем брачном каталоге. Она была тридцатилетней русской девушкой обыкновенной внешности. В анкете она писала, что хочет о ком-то заботиться и иметь детей.

Он пригласил ее приехать к нему в Финляндию, и она согласилась. Она приехала поездом, он встретил ее на вокзале. В процессе переписки она видела его фотографии, и все же в реальности он показался ей меньше и тоньше, и глаза его были испуганные, хотя он и улыбался.

Он жил в маленькой двухкомнатной квартирке в небольшом городке и работал доярком на ферме. Он предложил ей поселиться в его спальне, а сам устроился на диване в гостиной. Каждый вечер он желал ей спокойной ночи и закрывал дверь, не пытаясь эту дверь открыть или даже в нее постучать. Каждое утро он уходил на работу, когда было еще темно, и она слышала, как он осторожно двигается по комнате, стараясь не шуметь, и тихо прикрывает за собой дверь.

Он был осторожен во всем, ей даже казалось, что он старается не показывать, сколько денег у него в кошельке. Он старался так открыть кошелек, чтобы она не видела его содержимого, а потом она и сама стала отводить взгляд, если он вынимал кошелек из кармана. Вечером, после его возвращения с работы, они обычно ходили вместе за покупками, и он всегда повторял, что в Финляндии все дорого, и что надо экономить.

Он мало говорил. Иногда она удивлялась, зачем вообще он ее к себе пригласил. В выходные они ходили на озеро или ездили в город. Она пыталась говорить, спрашивала его о личном, но он отвечал уклончиво и, отчаянно болтая о своем, она не понимала, о чем же он на самом деле думает.

Однажды ей показалось, что она увидела на его лице настоящее чувство: войдя в магазин, они столкнулись с темноволосой женщиной с решительным взглядом, которая разговаривала с кассиршей. Увидев ее, мужчина напрягся и попытался поскорее пройти мимо, пряча глаза. Женщина тоже пристально на них посмотрела, ее глаза сузились, на лице промелькнула усмешка.

Когда они вышли, девушка спросила о ней мужчину, он пробормотал что-то, и она поняла, что он не хочет, чтобы она продолжала расспросы.

Сидя дома одна, пока он был на работе, девушка привыкла разговаривать с котом. У мужчины был старый рыжий кот, которого он не выпускал на улицу, кот большую часть времени спал на подоконнике или смотрел на улицу из окна. Девушка любила кошек, в России у нее тоже был кот. Часто она сидела рядом с котом, почесывала его за ухом, смотрела вместе с ним за окошко и говорила коту, что его хозяину она не нравится, что скоро она уедет обратно в Россию и не вернется назад, что ей никогда не везло с мужчинами, вот и в этот раз тоже. Кот мурлыкал, сочувствуя.

Мужчина тоже любил кота. Возвращаясь с работы, он, в первую очередь, подходил к нему, гладил его и спрашивал у девушки, хорошо ли кот ел. Он часто советовался, чем лучше кормить кота, девушка была ветеринаром. Девушке казалось, что кот был единственной темой, которую они могли свободно обсуждать, и когда вечером они смотрели телевизор, глядя лежащего между ними на диване кота, девушке иногда казалось, что вот так, наверное, и бывает, когда у людей настоящая семья.

Однажды, перед самым отъездом, девушка была, как обычно, дома. Погода была хорошая, и девушка слегка приоткрыла окно, придерживая, на всякий случай, спящего кота, вдыхая свежий весенний воздух. Женщина из соседней квартиры остановилась у окна и завела разговор о погоде. Девушка плохо говорила по-фински и мало что поняла. Все же она смогла разобрать, что, понизив голос, женщина говорит о мужчине, в гостях у которого она живет.

Женщина прошептала что-то о его бывшей жене и, плохо ее понимая, девушка попросила женщину зайти к ней и еще раз все повторить.

И, подойдя к двери и впустив женщину, девушка вскоре узнала, что у мужчины была когда-то злая жена, и что он оставил ей дом и все имущество, а сам снял эту жалкую квартиру и забрал в нее с собой лишь старого рыжего кота.

Когда женщина упомянула кота, девушка тут же вспомнила, что окно в комнате осталось открытым. Она побежала назад, но, увы, окно было распахнуто настежь, а кота не было. Девушка заглянула под диван и под кровать, выбежав на улицу, она звала кота, но все было напрасно, кот исчез.

Она не знала, как сообщит об этом мужчине. Виня себя во всем, она рассказала ему сразу, лишь только он вошел, и он не упрекнул ее, а только сказал, что все же надеется, что кот вернется.

Весь вечер мужчина и девушка ходили по улицам под накрапывающим дождем и звали кота, но все было напрасно. Поздно вечером, когда дождь разошелся, девушка стояла у окна, глядя в темноту, а мужчина сидел на диване перед выключенным телевизором. Девушка думала, что она принесла сюда только одно несчастье, она думала о рыжем коте, прячущемся неизвестно где под проливным дождем, она вспоминала своего собственного кота в России, воображала, что такое случилось с ее котом, думала, что скоро она приедет к своему коту, благополучно живущему дома с мамой, а мужчина останется один, и не будет даже кота, о котором он мог бы заботиться, и, подумав об этом, девушка заплакала. Мужчина не пошевелился и ничего не сказал, она пыталась перестать, но не смогла, и тогда он встал, подошел к ней, постоял рядом и нерешительно ее обнял.

Эту ночь они вместе провели в ее спальне. Сначала он утешал ее, говоря, что кот вернется. Позже, крепко ее обнимая, он шептал ей на ухо, что женщина, которую они видели в магазине, его бывшая жена, и хоть он и понимает, что она его никогда не любила, он не может понять, за что она его так сильно ненавидела. В течение всей их семейной жизни она не уставала повторять, что он ни на что не годен, и он и сам уже начал в это верить. После развода он оставил ей дом и все имущество, чтобы только больше ее не видеть. Но, узнав откуда-то, что он решил пригласить к себе русскую девушку, она смеялась и всем подряд говорила, что русские девушки могут польститься разве на его деньги, да и то, пока не узнают, как эти деньги жалки.

Он не хотел в это верить, и все же верил, он хотел найти в жизни что-то хорошее, но уже не надеялся, он хотел стать счастливым, но не мог даже попытаться, потому что эта злая женщина все отравила. И девушка тоже крепко его обнимала, будто стараясь защитить, она еще всхлипывала, но уже улыбалась и шептала, что теперь все будет хорошо, и не надо больше ни о чем тревожиться.

Романтическое интервью

Чтобы увеличить количество потенциальных клиентов нашего брачного агентства, пробудив романтические чувства в мужчинах, я решила включить в наш брачный каталог романтическое интервью.

Сначала я позвонила одной клиентке, секретарше, но она отказалась от интервью, объяснив, что не умеет выразить себя таким образом. Тогда я попросила об интервью у другой девушки, парикмахера известного салона, но она тоже отказалась, сказав, что слишком много людей ее знают, и что лучше она помолчит. Я позвонила третьей женщине – хирургу, она сразу же согласилась и приехала ко мне в тот же вечер.

Вид у нее был несколько строгий, но она принесла свою новую, очень хорошую фотографию для каталога. Мы сели на диван, я заварила кофе, она спросила, действительно ли есть вероятность выйти замуж через агентство; я ответила, что процент браков невысок, но никто не знает, кому повезет, и романтическое интервью должно помочь. И мы начали.

Я спросила, была ли романтика в ее предыдущем браке, она засмеялась, ответила, что муж плохо ее понимал, совсем не помогал по дому; к тому же он был из тех людей, которые ценят лишь собственные убеждения. Она училась в институте, ухаживала за маленькой дочкой, работала, готовила, стирала, в конце концов, не выдержала и ушла.

Я спросила, есть ли романтика в ее теперешней жизни. Она опять засмеялась, сказала, что сейчас она работает заведующей хирургическим отделением в больнице, что работа занимает все ее время, что она делает все операции в их больнице, что ей приходится работать на две ставки, имея мизерную, как у всех врачей, зарплату. Даже для дочки у нее не остается времени, поэтому она и начала подумывать о браке и выезде за рубеж: если бы родились еще дети, она бы посвятила себя им, и зажила бы, наконец, нормальной семейной жизнью.

Я спросила, неужели после развода в ее жизни, и правда, не было никого, о ком можно хотя бы мечтать, и каково ее отношение к мужчинам в целом. Она сказала, что у нее много друзей-мужчин, что ей не интересно дружить с женщинами и болтать с ними о всякой ерунде, а с коллегами-мужчинами можно обсуждать профессиональные вопросы или, скажем, работы немецкого психолога Эрика Берна, которыми она восхищается. Она добавила, что если рассматривать мужчин с точки зрения замужества, то она вряд ли будет счастлива в России. Она сказала, что русские мужчины потеряли себя в этом бардаке, они много пьют, не в состоянии обеспечить семью, поэтому она решила уехать на Запад.

Я спросила, не находит ли она романтическим иметь мужа из другой страны, говорящего на другом языке, и, напротив, не предполагает ли она, что с этим могут быть некоторые проблемы. Она сказала, что не думает, что проблемы возможны, потому что русские сами – смесь разных национальностей, она встречалась с финскими коллегами по работе, и все они казались вполне разумными и очень вежливыми.

Я спросила, а не смогла ли бы она вдруг по уши влюбиться в одного из финских коллег, и не смогло бы это полностью изменить ее мировоззрение. Она сказала, что не думает, что это возможно в ее годы (ей было тридцать два); главное, что она хочет найти в жизни, – это взаимное уважение и понимание необходимости растить детей в условиях взаимной помощи и поддержки.

Я удивилась, спросила, правда ли, что она не верит в любовь в том смысле, что любовь – это то, что нельзя определить и предсказать заранее, и она ответила, что, и правда, не понимает подобной концепции: с ее точки зрения реально существуют лишь здравый смысл и целесообразность, и конечно, более целесообразно жить большую часть жизни не одной, а в семье, чтобы иметь поддержку и оказывать ее самой, облегчая жизнь себе и партнеру. Что касается физиологических проблем, то с медицинской точки зрения, они решаемы и объяснимы.

Я спросила, а что она думает по поводу непреходящей грусти, которую до конца жизни испытывает человек, потеряв любимого супруга. Она ответила, что если люди теряют друг друга в молодом возрасте, они могут очень скоро утешиться, найдя себе кого-нибудь другого. Что касается стариков, вот они уже, действительно, не смогут это сделать, поэтому они так и страдают, на все есть физиологические причины и практическое объяснение.

Я спросила, надеется ли она, что такое интервью поможет ей найти романтического партнера. Она улыбнулась, встала, сказала, что тогда я могу писать, что угодно, поблагодарила, попрощалась со мной и ушла, а я осталась одна в своем офисе.

Как раз в этот момент позвонил мой партнер, я сказала ему, что романтического интервью все еще нет, и, торопясь закончить каталог, мой партнер предложил поместить вместо него больше фотографий красивых женских лиц.

Так мы и сделали. А фотографию этой женщины-хирурга, которую она принесла для интервью, мы поместили на обложку. На фотографии она не выглядела прагматичной, наоборот, что-то очень романтическое было в выражении ее глаз, это, видимо, пробудило в мужчинах романтические чувства, и количество наших клиентов, действительно, возросло.

Остров

Наташа и ее маленькая дочка жили в петербургской коммуналке вместе с многочисленными соседями. Их дом стоял на одном из центральных проспектов города. Окна трех комнат выходили на улицу, где днем и ночью громыхали грузовики и трамваи. Четвертая комната выходила в тихий зеленый двор, но старуха, которой посчастливилось жить в хорошей комнате, была вредная, она подслушивала, сплетничала и ворчала на соседских детей за то, что они шумят в коридоре, или ругалась, что другие соседи неудовлетворительно, по ее мнению, делают генеральную уборку.

В квартире жило много людей. Наташина дочка и соседские дети бегали и кричали в коридоре. На стенах висели велосипеды и тазы. В ванную часто была очередь, очередь была и к плите. Молодая семья с двумя детьми жила стесненнее всех в своей единственной комнате, и Наташа знала, эти молодые люди надеялись, что рано или поздно ворчливая старуха или другой сосед-инвалид переселится в дом престарелых или еще куда подальше и освободят комнаты, которые можно будет занять.

Старик-сосед был прежде капитаном дальнего плавания. Он был приятелем Наташи, он всегда радовался, когда Наташа с дочкой по вечерам приходили к нему в комнату пить чай. На стенах его комнаты висели фотографии лодок и кораблей, большие тропические раковины и заморские сувениры стояли на полках старинной мебели. Наташина дочка любила играть с раковинами, одну она нечаянно разбила, но старый капитан не ругал ее, а лишь сказал, что это к счастью, он по-прежнему позволял девочке рассматривать раковины и прикладывать их к уху, чтобы слушать шум моря.

Старый капитан перенес инсульт. Он с трудом ходил по квартире, улица под окном была всем, что осталось у него от широкого прежде мира. Когда солнце начинало весной заглядывать в его комнату, он открывал окно, подставлял лицо солнечным лучам, закрывал глаза и воображал, что он снова в море, и что шум грузовиков и трамваев внизу – это шум морских волн. Его жена давно умерла, детей не было, раз в неделю к нему приходила племянница и приносила еду. Наташа тоже помогала, носила хлеб и молоко, убирала его комнату. Племянница каждый раз убеждала старика перейти жить в дом престарелых, но Наташа говорила ей, что старик вполне справляется, и что она всегда рядом, если ему что-то понадобится.

Наташа была биологом, она любила природу, растения, животных, насекомых, все то, что жило в мире своей собственной жизнью. Прежде она работала в Ботаническом институте, но после перестройки ее зарплата стала неуклонно уменьшаться, пока не достигла стоимости автобусной карточки. Наташа устроилась работать торговым агентом косметической фирмы: ходя по разным офисам, она продавала кремы и помады, это было не так просто при маленьком, часто болеющем ребенке, но ей помогал старик, он присматривал за девочкой, когда та спала, кормил ее, играл с ней, когда та просыпалась, пока Наташа бегала по городу с тяжелой сумкой, полной косметики, которую она пыталась продать.

Наташины родители жили далеко, помочь ей, кроме старого капитана, было некому, она ухаживала за дочкой, продавала косметику, чтобы заработать на жизнь, ни на что другое у нее не оставалось времени. Кроме клиенток, она общалась лишь с обитателями квартиры. Соседская молодая пара, люди, близкие ей по возрасту, не были, однако, ей по-настоящему близки: они покупали все на распродажах, хвастались своей практичностью, постоянно обсуждали, как разумнее потратить деньги на полезные вещи, а не на всякие глупости.

Разговоры Наташи со старым капитаном были другие. Старик часто рассказывал ей о морских путешествиях, об экзотических архипелагах, которые, бывало, посещал его корабль, об островах, на которых всегда тепло, где тропические закаты, голубые птицы и красивые серебряные рыбы. Наташа рассказывала капитану о своем неудачном браке, как муж ушел

от нее перед самыми родами, не увидев дочери, и никогда потом ей не помогал. Наташа думала о будущем и не ждала ничего хорошего, потому что ничего хорошего не было и в прошлом. Старый капитан улыбался, хлопал ее по плечу и говорил, что никто не знает, что впереди, молодость – сама по

себе счастье; что до него, так он счастлив даже, когда смотрит на стены своей комнаты, на фотографии кораблей, на солнечные лучи за окном, счастлив вести с ней эти неторопливые беседы, охранять сон ее дочки, счастлив даже слышать звуки соседской ссоры на кухне. С высоты своего возраста он научился одинаково ценить все, даже самые пустяковые, проявления жизни.

Однажды, продавая косметику, Наташа забрела в офис брачного агентства, и, рассматривая ее духи и помады, девушки-менеджеры дали Наташе посмотреть каталог фотографий американских мужчин, желающих познакомиться с русскими девушками. Рассматривая их фото и биографии, Наташа внезапно наткнулась на название архипелага, о котором рассказывал ей старый капитан. Она увидела фотографию улыбающегося мужчины, под которой было написано, что американский инженер, работающий на острове, живет с маленькой дочерью и ищет любящую жену и хорошую мать своему ребенку. Удивляясь, зачем она это делает, Наташа купила адрес. Вечером она рассказала обо всем капитану – ей было нелегко объяснить старику, что означает «брачное агентство», потому что, не выходя из дома, тот не знал о многих атрибутах пост-советской жизни. Тем не менее, шутя и улыбаясь, старый капитан убедил Наташу написать американцу. Он вспомнил, как однажды его корабль разгружался в этом архипелаге, и хотя советскому экипажу и не разрешили тогда спуститься на берег, все они запомнили прекрасные острова и живущих на них веселых и беззаботных людей.

И Наташа написала письмо и принялась ждать ответа. Она написала, что, возможно, желание сделать детей счастливыми, и сблизит их с американцем. И ей, действительно, стало казаться, что что-то в ее жизни, в конце концов, изменится, и пока она ждала письма, все ее разговоры со старым капитаном вращались вокруг острова.

Она не думала всерьез о переезде туда, но она воображала все эти пальмы и экзотических птиц, к которым она каким-то образом прикоснулась своим письмом, и она думала еще, как много в мире чудесных вещей, которые так и останутся для нее неизвестными. А старый капитан, глядя в ее мечтательное лицо, думал, что если она, и в самом деле, переедет на остров, ему, конечно, придется переселиться в дом престарелых, где его жизненное пространство сузится до кровати в переполненной палате. Он знал, что и выжившие из ума старики содержатся там вместе с такими, как он, и старый капитан уже начал раздумывать, какие книги и какие фотографии он возьмет туда с собой, и еще он думал, разрешат ли там открывать окно, и сможет ли он ощутить там теплоту солнечных лучей.

Но американец на письмо не ответил. Наташа не знала, что покинувшая его жена вернулась к нему, что он простил ее и прекратил поиск, который и начал-то, чтобы доказать неверной жене, что вовсе не страдал, и в ней не нуждался.

После двух месяцев ожидания Наташа перестала надеяться на ответ. Молодая пара, знавшая обо всем от подслушивающей старухи-соседки, была сильно разочарована, потому что уже предвкушала, как Наташа и старик уедут из квартиры, и можно будет занять их комнаты.

Теперь Наташа была молчалива за вечерним чаем, она думала обо всех трудностях и проблемах, ожидающих их с дочкой впереди. Глядя на фотографии кораблей на стенах, старик думал, что от всего бы отказался, чтобы только увидеть улыбку на ее серьезном лице. И он утешал ее, говоря, что что-нибудь хорошее скоро случится в ее жизни, и что надо только надеяться на лучшее.

Рассказ о Маше

Она пришла в мое агентство, как приходят в первый раз многие девушки: с легкой опаской и с интересом. Одни девушки бывают сдержанны и не рассказывают о себе, другие сразу же излагают историю своей жизни. Она была из последних: через пятнадцать минут я знала, что ей двадцать восемь, что она никогда не была замужем, что в ее жизни было несколько мужчин, и все они были женаты, все говорили, как несчастны они в семейной жизни, все искали сочувствия, и каждый раз она глотала эту приманку. Их измученные семейными передрыгами души отдыхали, согретые ее беззаветной преданностью, а потом они вспоминали о чувстве долга, просили их простить и – возвращались к своим злым женам и, конечно, к детям. Может, все у нее было так, потому что родители ее когда-то расстались, отец оставил их, когда ей было восемь лет, поэтому и она, и брат считали себя «плохими детьми», думая, что от хороших детей отцы не уходят. Может, эта мысль, сидевшая в подсознании с детства, и заставляла ее считать, что она не заслуживает лучшего и должна быть благодарна даже вниманию женатых мужчин. В двадцать восемь у нее не было ни семьи, ни детей (а она мечтала иметь ребенка) и, решив искать мужа за границей, она пришла в мое агентство.

– Я бы завела ребенка и без мужа, но не могу себе этого позволить! – говорила она мне. Да, конечно, я знала, что, имея профессию архитектора, она вынуждена работать уборщицей. Я также знала, как много усилий она приложила, чтобы, работая, получить диплом, а когда она окончила университет, оказалось, что ее профессия никому не нужна.

Я запомнила эту девушку, выделила ее из многих других. Ее улыбка была застенчивой, глаза – честными, я решила постараться помочь ей при первой же возможности.

И такая возможность представилась очень скоро. Мой финский бизнес-партнер просил познакомить его с хорошей девушкой. Он рассказывал мне, как он несчастен, не видя свою дочь, потому что бывшая жена не позволяет ему встречаться с ребенком, и как страстно хочет он создать новую семью, иметь еще детей, и, конечно, первая о ком я подумала, была эта девушка, назовем ее Маша.

Они познакомились, понравились друг другу, очень скоро их отношения стали близкими, и он, назовем его Ханну, уехал в Финляндию и пригласил Машу приехать к нему.

Он звонил ей каждый день, пока она оформляла загранпаспорт и визу, спрашивал, как идут дела, рассказывал про свою жизнь, мечтал, какое счастливое у них будет будущее, и обсуждал с нею, сколько детей они заведут. Маша была счастлива. Она потом говорила мне, что, бегая в эти дни по разным делам, любясь прекрасными петербургскими дворцами, она не верила, что счастье выпало именно ей: еще недавно думала, что такое в ее жизни невозможно.

Она уехала, они звонили мне из Финляндии, в первые дни ее голос был счастливым, потом менее радостным, потом грустным.

Ее первая виза действовала три недели. Она возвратилась, пришла ко мне. Она была задумчива: с одной стороны, все было хорошо: они не ссорились, она занималась хозяйством – убирала дом, готовила, помогала Ханну в его бизнесе. С другой стороны, он был молчалив, вечерами встречался с друзьями или читал газету, и она не могла понять, действительно ли она ему нужна.

Однако он пригласил ее приехать еще раз. Они решили пожениться, когда наметится ребенок. Но ребенок не намечался, и женитьба была отложена до ее следующего приезда. Но, когда она приехала в Финляндию в третий раз, однажды, убирая по обыкновению дом, Маша нашла множество фотографий, взглянув на которые, сразу поняла, что была не единственной гостьей в этом доме. Когда она отсутствовала, приезжали другие девушки, никто не подозревал

друг о друге, и это было очень удобно хозяину: дом был всегда чист, и в нем всегда была женщина.

– Но я действительно хочу жениться! – воскликнул Ханну, когда я сказала ему, что об этом думаю. – Я просто выбираю. К сожалению, Маша вряд ли мне подходит, но скоро я женюсь на более красивой женщине и выйду из игры.

И он, действительно, выбрал двадцатилетнюю красавицу-модель, которая ушла от него к ровеснику через три месяца после свадьбы. Теперь он иногда звонит мне и жалуется на судьбу.

Что до Маши, мы теперь друзья не только с ней, но и с ее русским мужем, которого мы вместе ей нашли. А когда Маша вспоминает Финляндию, она закрывает глаза, встряхивая головой, будто старается забыть то, чего лучше бы не бывало.

Как Маша нашла себе мужа

Вернувшись из Финляндии, Маша оказалась без работы, без денег, без какой-либо идеи, что делать дальше. Она пришла ко мне за советом.

Я чувствовала себя ответственной. Это я втравила ее в несчастливое приключение, это мне надо было помогать ей из него выбираться. В первую очередь, Маше надо было найти работу. Она была архитектором. Трудно было найти вакансию архитектора в Санкт-Петербурге, где в то время строилось мало новых домов. Однако в телефонном справочнике было много телефонов архитектурных студий. Маша пришла ко мне в офис, устроилась на диване и начала списывать номера телефонов и адреса. Приходили и уходили клиентки, периодически появлялся и исчезал мой муж, которого я убедил переvezти в гараж грудку кирпичей, лежащую у подъезда офисного здания, чтобы заложить ими лужу под нашим гаражом. Наконец, муж сделал последний рейс, мы закрыли офис, сели в машину и поехали домой, высадив Машу на Фонтанке, где она жила.

В течение следующих нескольких дней Маша прозванивала список. Ее прилежание было вознаграждено. Директор одной из архитектурных студий пригласил ее на собеседование, и свершилось чудо – Машу приняли!

Правда, позже Маша узнала, что почти все работники этой студии уволились, потому что им по полгода не платили зарплату. Но Маша тогда была слишком счастлива, вновь назвав себя архитектором, чтобы обращать внимание на подобные мелочи.

Теперь пришла очередь устраивать ее личную жизнь. Будучи классически обманутой, Маша не хотела никому верить, но я сказала, что если она, действительно, хочет иметь семью и детей, надо все же предпринять шаги в этом направлении. Я привела ей несколько поучительных примеров, когда успех был всего-навсего результатом усилия воли и веры в победу. Вдохновленная, Маша пошла в газету и подала брачное объявление.

Она получила множество писем. Ей пришлось сделать специальную картотеку с именами и телефонами претендентов. Она начала проводить вечера, звоня мужчинам, встречаясь с ними, вычеркивая их из списка, отмечая галочками, заносая новых.

Все претенденты были очень разные. Те, которые казались наиболее подходящими, приводились ко мне в офис на просмотр. Маша хотела услышать о них мое мнение. Иногда бывали и другие причины.

Самым интересным кандидатом был молодой архитектор Константин. Маше очень нравилось то, что он тоже архитектор, что он красив, интеллигентен, и из хорошей семьи. Он нравился Маше, и она просила меня постараться произвести на него хорошее впечатление, чтобы молодой человек увидел, что у Маши есть приятные и интеллигентные друзья.

Я постаралась подготовиться к этому визиту. Когда они с Машей пришли, я предложила кофе и завела непринужденный разговор о литературе и искусстве. Оказалось, что молодой человек тоже пишет стихи. Я попросила его прочесть что-нибудь, он прочитал, и, конечно же, я принялась восхищаться. Молодой человек был польщен и взволнован. Я попросила его рассказать нам о себе, он с большим удовольствием это сделал. Я сумела перевести разговор на тему одиночества, предполагая, как было бы здорово, если бы Константин его с кем-нибудь поделил. Маша опустила глаза в скромном молчании, я вдохновенно говорила, Константин слушал, его глаза блистали. Это был замечательный вечер.

На следующий день Маша позвонила мне и сказала, что Константин попросил у нее мой телефон.

– Зачем? – спросила я.

– Он снова хочет поговорить с тобой о литературе. Кажется, ты произвела на него слишком хорошее впечатление, – холодно ответила Маша.

– Но ты же сама просила меня изобразить интеллигентных друзей! – воскликнула я.

– Да, но ты, кажется, перестаралась, – ответила Маша с сарказмом, и, пробормотав: «о господи...», я попросила ее сказать Константину, что я уехала из города или заболела. Через несколько дней я была наказана за эту ложь, по-настоящему ужасно простудившись.

Маша была доброй девушкой, она простила меня. Очень скоро она попросила меня рассмотреть другого претендента.

Это был мужчина огромного роста, я уже не помню, как его звали. Он принес коробку конфет и сразу же съел две трети сам. Я пыталась держаться как можно скромнее, слушая исключительно Машу. Но, когда, прикончив конфеты, мужчина, к слову, похвастался опытом по уходу от налогов в бизнесе, я забыла о прежних намерениях. Я немедленно попросила его объяснить мне те способы, которых я еще не знала. Ему тоже было интересно узнать, чем я могу поделиться. Когда наш взаимный интерес был удовлетворен, я вспомнила про Машу и увидела, что она сидит на диване и смотрит на меня с иронией.

Этот человек тоже вскоре исчез. Маша приводила ко мне еще нескольких претендентов. Один из них играл на гитаре и пел песни собственного сочинения так громко, что и несколько дней спустя я не могла слушать радио. Другой сидел в полном молчании, пока мы с Машей пытались его развлекать, потом внезапно покраснел, пригласил Машу поехать с ним в его загородный дом, и немедленно ушел, когда Маша отказалась.

Маша жаловалась, что все мужчины ей надоели, и что она уже не надеется найти своего единственного.

А через некоторое время я вдруг заметила, что Маша исчезла. Она больше не звонила и никого ко мне не приводила. Прошло еще время, и мне понадобился телефонный справочник, который Маша снова забрала, чтобы продолжить поиск работы, потому что успела понять, что жить без зарплаты трудно, даже если ты и зовешься архитектором. Я ей позвонила, попросила принести справочник, она извинилась и обещала прийти.

И она пришла в тот же вечер, принесла книжку, но она была не одна. С нею пришел чернобородый мужчина. Они не смотрели друг на друга и держались очень напряженно. Когда я посмотрела на мужчину, его встречный взгляд был почти враждебен. Маша казалась смущенной. Я попыталась поговорить с ними обоими, но слова застряли у меня в горле. Маша отдала мне справочник, и они ушли.

И я поняла, что между ними что-то происходит. Они ушли, окруженные атмосферой неопределенности и смятения. Их дальнейшие отношения, и в самом деле, были сложными, но в них не было места для посторонних людей и их советов. Иногда Маша приходила ко мне в отчаянии. Иногда она звонила, и даже по телефону я чувствовала, как она счастлива. Много всего с ними еще случилось. Они поженились только через год.

Проблемы с электричеством

В этот день, войдя в подъезд дома, где находится мой офис, я оказалась в полной темноте. Двигаться я могла лишь наощупь. Я подумала, что что-то случилось с электричеством и что, наверное, его скоро починят. Выходя на обед в такой же темноте, я столкнулась на лестнице с человеком со стремянкой и инструментами в руках и поняла, что это электрик.

– Что случилось? – спросила я. – Почему так темно?

– Теперь у всех кнопки, – ответил он.

– Какие кнопки? – не поняла я.

– Кнопки освещения в каждом офисе, – сказал он. – Нажимаете, выходя, и лестница освещается. Лестница освещается, только когда кто-то выходит. Если надо войти, вы нажимаете на кнопку внизу. Разве вы не знаете? Большая экономия.

– У меня нет такой кнопки, – сказала я.

– Значит, вы не заказали, сами виноваты, – повернувшись ко мне спиной, ответил он.

– Что же, я буду постоянно выходить из офиса в темноте? – спросила я.

Он не ответил, поднимаясь, демонстрируя, что дискуссия окончена.

– Эй, так не пойдет! – пошла я за ним, повышая голос. – Кто это придумал? Какая глупость!

– Значит, вы хотите, чтобы на лестнице постоянно была иллюминация? – обернувшись, поинтересовался он. Я ответила, что, и правда, имею наглость этого хотеть. Мы поспорили еще немного, и, в итоге он все же согласился поставить кнопку и в моем офисе. Он, довольно быстро установил ее, продолжая ворчать, а затем ушел, пообещав прийти подключить электричество вечером.

Мне это нововведение вовсе не понравилось, потому что девушкам, моим клиенткам, трудно будет искать меня в такой темноте. То, что случилось вечером, превзошло все мои ожидания.

Зазвенел звонок, я открыла дверь и увидела очень молодую девушку, сильно накрашенную и в платье с блестками. Выражение лица ее, когда она появилась на пороге из лестничной темноты, было напряженным. Она подозрительно огляделась и вошла с некоторым колебанием. Продолжая озираться по сторонам, она напонила мне, что когда-то уже посылала мне письмо со своей любительской фотографией, и что я звонила ей и просила принести фото получше, которое она сейчас и принесла. Она показала мне новую студийную фотографию в том же платье с блестками, с тем же количеством косметики, ярко-красной помадой и тенями вокруг глаз. Я долго искала ее любительское фото, чтобы вернуть его ей, я никак не могла ее вспомнить. Наконец, я нашла фото и поняла, почему я не могла ее узнать: симпатичная девочка, совсем без косметики, в джинсах и кофточке стояла, улыбаясь. Фотография была мала и недостаточно хороша для сканирования, и все же она была лучше той, которую девушка принесла. Я ей этого не сказала, предоставив самой решать, какое выбрать фото.

– Что будет со мной потом? – спросила она меня со странным выражением.

– Потом? – я не поняла, что она имела в виду.

– Вы здесь одна? – задала она еще более странный вопрос.

– Да, – удивленно ответила я.

– А где остальные? – продолжала она расспрашивать.

– Остальные? Кто? – еще больше удивилась я, и в этот самый момент зазвонил звонок, я пошла к двери, чтобы открыть, попутно заметив, что лицо девушки изменилось и стало совсем испуганным.

На лестнице был электрик.

Он сказал, что сейчас отключит свет, чтобы подключить кнопку. И он, действительно, отключил свет на короткое время. В кромешной темноте я громко сказала девушке что-то ободряющее, Потом электрик снова включил свет, мы проверили кнопку, я его поблагодарила, и мы распрощались.

Вернувшись в комнату, я не нашла девушки на прежнем месте. Я осмотрелась и увидела, что она стоит за шкафом, в отчаянии сжимая в дрожащей руке газовый баллончик.

– Не подходите ко мне! – воскликнула она. – Что вы хотите делать? Зачем вы выключили свет?

Остолбенев, я пробормотала что-то о проблемах с электричеством и о кнопке освещения.

– Я передумала, я ничего не хочу! Не подходите! Кто там еще прячется? – кричала девушка, тряся своим баллончиком, пытаюсь заглянуть в коридор и, боясь, кажется, даже двинуться с места.

– Там был электрик, но он ушел, – прошептала я, думая, как бы позвонить и куда звонить в первую очередь – в милицию или в скорую помощь. Но девушка внезапно бросила баллончик и расплакалась. Она плакала по-детски громко, краска потекла с ее лица, я побежала и налила ей воды, руки мои дрожали, когда я протягивала ей стакан. Я так испугалась, как давно уже не пугалась.

Через пятнадцать минут мы обе сидели на моем диване и пили чай. Лицо девушки было теперь умытым и чистым, она выглядела совсем ребенком с опухшими от слез глазами, со сжатым в кулачке платком, в нелепом блестящем платье. И она рассказала свою историю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.